

А. Н. КРУТАЛЕВИЧ

аспирант Института философии Санкт-Петербургского государственного университета

МОБИЛЬНОСТЬ КАК ЦЕННОСТЬ В «ЗАПАДНЫХ» ТЕОРИЯХ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена изучению представлений о мобильности в социологических и культурологических теориях XX века. В результате анализа теории социальной мобильности П. Сорокина, концепции «текучей современности» З. Баумана, идей «мобильной социологии» Дж. Урри и «номадологии» Ж. Делеза и Ф. Гваттари делается вывод о том, что мобильность является не только характеристикой глобального общества, но и одной из основных ценностей современной культуры.

Ключевые слова: мобильность, ценность, номадизм, глобальное общество, социальное пространство, П. Сорокин, З. Бауман, Дж. Урри, Ж. Делез, Ф. Гваттари.

A. N. KRUTALEVICH

postgraduate student, St. Petersburg State University

MOBILITY AS A VALUE IN THE «WESTERN» THEORIES OF MODERN CULTURE

The article focuses on the research of concepts of mobility in sociological and cultural theories of the twentieth century. Mobility is one of the core values of contemporary culture, not just a characteristic of a global society. This conclusion based on analysis of the P. Sorokin's theory of social mobility, the Z. Bauman's concept of «liquid modernity», the J. Urry's ideas of «mobile sociology» and «nomadology» of G. Deleuze and F. Guattari.

Keywords: mobility, value, nomadism, global society, social space, P. Sorokin, Z. Bauman, J. Urry, G. Deleuze, F. Guattari.

Прописная истина о том, что мир изменчив, к концу XX века обретает новое звучание. Науки исследуют территориальную, классовую, профессиональную и должностную, экономическую и политическую, семейно-бытовую, духовную и информационную мобильности.

Усложнение структуры социальных отношений и технологических систем, эти отношения обуславливающих и обеспечивающих, предполагает открытость изменениям. Мобильность как подвижность, способность к быстрому переходу из одного состояния в другое, становится одной из основных характеристик современной культуры. При этом мобильность «превращается чуть ли не в краеугольный камень биографической компетентности» [5. С. 53] человека, ассоциируясь с успешностью и свободой. В такой ситуации актуальным становится рассмотрение мобильности не только как обстоятельства существования общества, но и как ценности культуры Новейшего времени.

Предпосылки этой идеи содержатся в теории социальной мобильности русско–американского социолога и культуролога Питирима Сорокина, выделившего подвижные и неподвижные типы обществ (на определенном этапе их развития) в зависимости от возможности или невозможности, а точнее, от легкости или затрудненности перемещения в них человека из одного социального слоя в другой. Ученый определил горизонтальный и вертикальный типы мобильности в социальном пространстве. Горизонтальное движение в его теории предполагает перемещение объекта из одной социальной группы в другую, расположенную на том же уровне. А под вертикальной мобильностью понимается социальный подъем или спуск, соответственно, восходящая и нисходящая мобильности. Мобильность в обществе институционализирована, и основными каналами социального перемещения являются армия, церковь, школа, семья, профессиональные, политические и экономические организации.

П. Сорокин сравнивает общество с живым организмом, мобильность внутри него — с циркуляцией крови, необходимой для здоровья. В рамках этого сравнения ученый допускает, что «социальный организм, старея, становится все более и более неподвижным, а перемещение индивидов — менее интенсивным» [7. С. 391]. П. Сорокин выделяет три основных типа мобильности по направлению: экономическую, политическую и профессиональную. Исследуя методологическую значимость ценности для социальных наук, П. Сорокин не рассматривал мобильность как таковую, в его работах она предстает скорее средством для достижения различных целей.

В представлениях о «текущей современности» З. Баумана теоретизируются не только представления о социальной мобильности, но и о территориальной, и осуществляется взаимосвязь мобильности со свободой.

Его теория описывает переход от «тяжелой современности» (*hand wake*) к «легкой». «Тяжелой современностью» ученый обозначил время, когда приобретение, завоевание и активное использование территорий являлись основной целью, обусловленной тем, что капитал был привязан к пространству, в котором находились гигантские постройки, громоздкие машины, проживали многочисленные работники. Таким образом, место, где «материализовались» богатство и могущество, становилось одновременно «крепостью и тюрьмой» [4. С. 125]. Для «легкой современности» характерно отсутствие территориальных ограничений для людей, идей и, в первую очередь, капитала, так как денежные средства и современные транспортные системы позволяют осуществлять перемещения весьма оперативно, а системы связи и Internet — управлять удаленно. Описанная ситуация позволяет власти «убегать» от ответственности перед населением определенных территорий, налогов, делает ее обезличенной и недостижимой.

В теории З. Баумана мобильность претендует на роль нового стратификационного критерия: «на первое место среди вождельных ценностей выдвигается мобильность, то есть свобода передвижения, этот вечно дефицитный и неравномерно распределяемый товар быстро превращается в главный фактор расслоения нашей позднесовременной или постсовременной эпохи» [3. С. 11]. Согласно его представлениям, возникает замкнутый круг: для мобильности нужен капитал, а для обретения капитала — мобильность, и мобильность, предлагаемая всем, оказывается доступной далеко не каждому. «Беспрецедентная свобода, которую наше общество предлагает своим членам, пришла, как давным-давно предупреждал Лео (Штраус), пришла вместе с беспрецедентным бессилием» [4. С. 30].

В работах З. Баумана мобильность является ценностью по нескольким причинам: способность к свободному перемещению способствует реализации сущностных сил человека, актуализации его потенциальных возможностей; мобильность профессионалов приносит выгоду; и мобильность имеет цену.

Труды британского социолога Джона Урри также посвящены взаимоотношенности мобильности и глобализации. Он объявляет своей целью изучение «совокупной» мобильности и утверждает существование взаимоотношений между элементами физического движения и социальной мобильностью. Дж. Урри говорит о «мобильном повороте» в исследованиях культуры и общества, согласно которому они должны

сопоставлять «различные виды путешествий, транспортировки и коммуникаций с тем, как во времени и в различных пространствах организуется экономическая и социальная жизнь» [8. С. 72]. Необходимость такого «поворота» объясняется процессуальностью культуры, что наводит на мысль о неполноценности исследований ее составляющих в статичном состоянии.

Стрежнем парадигмы «мобильного поворота» является концепция капитала подвижности или «сетового капитала» (network capital), которая описывает «способность порождать и поддерживать социальные отношения с людьми, не обязательно находящимися в географическом соседстве, получая от этих отношений эмоциональные, финансовые или практические выгоды» [8. С. 362]. Порождению «сетового капитала» служат такие мобильности, организующие жизнь на расстоянии, как: телесные перемещения людей, физические перемещения объектов, воображаемые перемещения, виртуальные путешествия и коммуникационная мобильность (смс, письма) [8. С. 135–135].

В гуманитарной области знаний исследованием мобильности занимаются преимущественно социология и культурология — соответственно, концентрируясь на ее культурных аспектах и вопросах социального неравенства. Однако мобильность становится настолько многолика и неоднозначна, что необходим постдисциплинарный подход, который Дж. Урри и пропагандирует. Примером сложной мобильности может служить распространяющийся в конце XX века феномен дауншифтинга (downshifting). Как идеология дауншифтинг представляет жизненную философию, состоящую в отказе от ценностей, навязанных обществом потребления, и в стремлении находить и реализовывать собственные цели. Как процедура дауншифтинг, как правило, состоит в осуществлении добровольной нисходящей социальной мобильности и, зачастую, переезда с целью сменить социальное пространство на более комфортное. С одной стороны, карьерный рост, стремление иметь высокий и стабильный заработок, профессиональная мобильность заложены в идею успешности культуры развитых обществ, поэтому сочетание определений добровольная и нисходящая вертикальная мобильность кажется парадоксальным. С другой стороны, «степень, в которой свобода, основанная на потребительском выборе, особенно свобода самоидентификации потребителя путем использования массово производимых и продаваемых товаров, истинна или мнима, всегда спорный вопрос» [4. С. 93]. Дауншифтинг является одновременно физической

(территориальной) и социальной (профессиональной) мобильностью, горизонтальной и вертикальной. Дауншифтинг иллюстрирует вездесущность мобильности: проблемы, возникающие при навязанной, условно вынужденной профессиональной мобильности, решаются с помощью добровольной территориальной.

Помимо очевидной ценности мобильности как способа избежать социально–пространственного неравенства и отчуждения, Дж. Урри рассматривает самоценность мобильности. Он развивает идею «чистой интеракции», общения ради общения в путешествии, и идею приносящего удовлетворение «соприсутствия» немецкого философа Георга Зиммеля. Стремясь всесторонне рассмотреть путешествия и территориальную мобильность, Дж. Урри выделил ее двенадцать видов: передвижение с целью обрести политическое убежище или место жительства; деловые и профессиональные путешествия; медицинские поездки; военную мобильность; пенсионный туризм; «буксирные путешествия» детей, родственников и слуг; миграцию определенной диаспоры по фиксированному маршруту; движение работников сферы обслуживания; познавательного–экскурсионного туризма; посещение друзей и родственников и перемещения, связанные с работой [8. С. 79–80]. Если концепция З. Баумана дает представление о доступности и недоступности мобильности, и в связи с этим о ее ценности, то классификация Дж. Урри заставляет задуматься о добровольности и вынужденности мобильности. Вынужденная мобильность (поиск политического убежища, «буксирные путешествия») скорее является антиценностью, так как не имеет отношения к свободе.

Еще одна теория о мобильности — «номадология» французских философов Жюль Делеза и Феликса Гваттари. Эти авторы указывают в качестве основных характеристик современной жизни ее хаотичность, кризисность, изменчивость, креативность и предлагают свою модель глобального общества. В качестве иллюстрации они используют образ «ризомы» (*rhizoma*). Ризома — корневище, расползающееся в разные стороны, не имеющее центра, сродни грибнице, а потому неуничтожимое. В созданной ими модели и человек, и общество, и культура всегда изменчивы, находятся в полураспавшемся–полуоформившемся состоянии, в процессе становления, человеку предоставляется свобода выбора социальных ролей и в то же время он обременяется ответственностью за свой выбор. Мобильность индивида зиждется на принципе включенного движения: «мы не стоим на берегу, наблюдая за течением реки,

однаправленном и разделенном на струи, а сами несемся в клубящемся потоке, сами вовлечены в процесс вариации» [6. С. 186]. Согласно этой теории, мобильность в современном глобальном обществе не прихоть, выживает мобильный, и мобильность имеет ценность сродни критерию естественного отбора.

Наблюдаемое феноменологическое разнообразие мобильности, «возрастающее число внешних, внутренних миграций, постоянных, сезонных, временных» (см.: [1. С. 33], а также см. [2]) подкрепляемое анализом теорий глобального общества поражают многообразием возможных мотивов и способов классификаций людских перемещений. Это позволяет сделать вывод о существовании мобильности во всех сферах деятельности общества, и о мобильности, как характеристике современной культуры в целом. Стало быть, мобильность, воспринимаемая и трактуемая как ценность, служит сегодня не только условием развития и жизнеспособности общества, но и стратификационным критерием. Она также выступает маркером реализации свободы человека и фактором, способствующим формированию, совершенствованию и адаптации личности в современном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев-Апраксин А. М.* Восток в культуре Петербурга: автореф. дисс. СПб.: 2011. 44 с.
2. *Алексеев-Апраксин А. М.* Кросс-культурные контакты: туризм и паломничество. Современный номадизм // *Studia Culturae*. Вып. 18. СПб.: СПбФО, 2013. С. 29–34.
3. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. М.: Весь мир, 2004. 188 с.
4. *Бауман З.* Текучая современность / пер. с англ.; под ред. В. Ю. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
5. *Веселкова Н. В.* Новые исследования мобильности: совпадающие и несовпадающие потоки и социальная компетентность // *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. XIV. 2011. № 3. С. 50–66.
6. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Машина войны. Трактат о номадологии / пер. с фр // НК. 2005. № 2–92. С. 183–187.
7. *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Союмонов; пер. с англ. С. А. Сидоренко. М. Политиздат, 1992. 543 с.
8. *Урри Дж.* Мобильности / пер. с англ. А. В. Лазарева; вступ. ст. Н. А. Харламова. М.: Праксис, 2012. 576 с.

TRANSLIT

1. *Alekseev-Apraksin A. M.* Vostok v kul'ture Peterburga: avtoref. diss. SPb.: 2011. 44 s.
2. *Alekseev-Apraksin A. M.* Kross-kul'turnye kontakty: turizm i palomnichestvo. Sovremennyy nomadizm // *Studia Culturae*. Vyp. 18. SPb.: SPbFO, 2013. S. 29–34.
3. *Bauman Z.* Globalizacija. Posledstvija dlja cheloveka i obshhestva / per. s angl. M.: Ves' mir, 2004. 188 s.
4. *Bauman Z.* Tekuchaja sovremennost' / per. s angl.; pod red. V. Ju. Asochakova. SPb.: Piter, 2008. 240 s.
5. *Veselkova N. V.* Novye issledovanija mobil'nosti: sovpadajushhie i nesovpadajushhie potoki i social'naja kompetentnost' // *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. T. XIV. 2011. № 3. S. 50–66.
6. *Delez Zh., Gvattari F.* Mashina vojny. Traktat o nomadologii / per. s fr // NK. 2005. № 2–92. S. 183–187.
7. *Sorokin P. A.* Chelovek. Civilizacija. Obshhestvo / Obshh. red., sost. i predisl. A. Ju. Sojumonov; per. s angl. S. A. Sidorenko. M. Politizdat, 1992. 543 s.
8. *Urri Dzh.* Mobil'nosti / per. s angl. A. V. Lazareva; vstup. st. N. A. Harlamova. M.: Praksis, 2012. 576 s.